

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «КЛАССИКОВ»: ФУКИДИД И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Т.А. Алексеева

Чуть ли не общим местом в трудах «классических» «политических реалистов» является отсылка к «Истории Пелопонесской войны в восьми книгах» древнегреческого историка-хрониста Фукидида (471–401 до н.э.) как к первоисточнику политического реализма. Как бы там ни было, подчеркивает профессор Дарио Батистелла из Института политических исследований (Бордо, Франция), «подобно тому, как вся последующая философия представляет собой бесконечный диалог с Платоном, так и теория международных отношений – это вечный диалог с Фукидидом»¹. Забегая вперед, скажем, что все-таки это скорее не диалог, а параллельные монологи, в той или иной степени затрагивающие сходные сюжеты и темы.

Многие современные исследователи, обращаясь к Фукидиду, видят в нем прямую трансляцию сегодняшних предположений, убеждений и заблуждений. В других случаях труды Фукидида по существу сводятся к нескольким простым тезисам, цитируемым в дальнейшем в самых разных учебниках и монографиях в качестве своего рода азбуки реалистских международных исследований. Подход такого рода, к сожалению, приучает студентов к избирательному чтению «классических» текстов и признанию авторитета первоисточников, вырванных из контекста,

что неизбежно оказывает негативное влияние на интеллектуальное мышление, особенно при изучении такой деликатной сферы как международные отношения.

Отдавая должное Фукидиду как историку-хронисту и писателю, следует все же отделять «зерна от плевел», т.е. различать оригинал и его последующие интерпретации, поскольку, как известно, обычной практикой является признание давности за доказательность, придающую научную респектабельность. В данной статье предпринята попытка выяснения, что и как из оригинального текста Фукидида было взято «политическими реалистами» ради доказательства их собственных, отнюдь не бесспорных идей и взглядов.

* * *

«История Пелопонесской войны» Фукидида – работа, беспрецедентная по содержанию, форме и глубине. С этим, мало кто спорит. Действительно, Фукидид дал нам пример объективной и точной истории 27-летней войны (с 431 по 404 г. до н.э.), аналога которому практически нет в известной нам научной литературе. Но ценность этого произведения заключается не только в хронике событий, а в том, что это – одна из первых в истории попыток дать рекомендации политикам в сфере международных отношений «на все времена».

Конечно, в «Истории...» Фукидида не так уж много философии или «теории» в том смысле, как мы понимаем ее сегодня (единственное место, где Фукидид вообще упоминает слово «философия» – это поминовение Перикла – государственного деятеля, стратега, сторонника демократии, которым историк очевидно восхищался). Однако хронист вполне сознательно обращает вни-

¹ Чит. по: Цыганков П.А. Исторический реализм Фукидида о проблеме войны. Вклад Фукидида в теорию международных отношений // Обозреватель – Observer. - 2010. - № 8. - С. 104. [Tsygankov P.A. Istoricheskii realizm Fukidida o probleme voyny. Vklad Fukidida v teoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii // Obzrevatel' - Observer. - 2010. - № 8. - S. 104.].

мание читателей на «трансгисторические истины». Именно они и представляют наибольший интерес для международных. Английский историк Роберт Коллингвуд подчеркивал, что «... речи у Фукидида, как по стилю, так и по содержанию – условности, характерные для автора, который не может полностью сосредоточиться на самих событиях, но постоянно отвлекается от них в поисках скрывающегося за ними урока – некоей неизменной и вечной истины, для которой эти события, если говорить языком Платона “*paradeigmata*” (примеры, образцы, модели (греч.) или *mimhmata* (отображения (греч.²)). По существу, мыслитель поставил перед собой вполне практическую задачу: рассказать государственным деятелям о своих наблюдениях над типическим поведением людей для облегчения бремени управления государством³. Предвидя ход событий, политики должны правильно управлять полисом, сдерживая дурные качества народа – раздражение, заносчивость, стремление «захватить побольше», т.е. бороться с исторической неизбежностью.

Практически все концепты, к которым апеллирует политический реализм, а именно: государства как акторы, анархия, сила, государственный эгоизм, безопасность, – уже присутствовали в тексте Фукидида. Такой известный реалист как Роберт Кохейн зафиксировал базовые положения, которые позднее, по его мнению, прямо вошли в политический реализм: 1) государства (или города-государства) как ключевые единицы взаимодействия; 2) они стремятся к власти (силе) либо ради нее самой, либо как к средству достижения других целей; 3) их поведение в значительной степени является рациональным и, поэтому, совместимо с точки зрения рациональности с поведением внешних акторов⁴. Но в каком смысле упо-

треблялись концепты, позднее составившие «ядро» политического реализма?

Практически реалисты опираются всего лишь на несколько утверждений Фукидида (содержащиеся преимущественно в книге Первой, в частности, на речь, произнесенную в Спарте непосредственно перед началом войны), а также на знаменитый Мелийский диалог, в котором устами посланников Афин, как считается, и были изложены основные принципы будущего политического реализма.

Мелийский диалог имеет отношение к событиям 416 г. до н.э., когда Афины покорили нейтральный остров Мелос, тесно сотрудничавший со Спартой – один из эпизодов Пелопонесской войны. К этому моменту, Афины, преимущественно силовым путем, начали превращать морской союз примерно сотни мелких городов-государств в прототипию («империализм Афин» в терминологии французского академика Жаклин де Ромийи⁵ и др.). Им противостояли лакедемоняне (спартанцы), также претендовавшие на роль крупнейшего государственного объединения древней Греции. Добавим к этому длительный конфликт между Афинами и Спартой из-за доступа к сицилийской «житнице» (афиняне практически не производили собственную пшеницу и вынуждены были привозить ее из стран с более благоприятными климатическими условиями морским путем). Фукидид указывал: «Со времени Персидских войн и до этой (Пелопонесской – *A.T.*) войны афиняне и лакедемоняне постоянно то заключали союз, то воевали или между собою, или с отпадавшими от них союзниками; при этом они усовершенствовались в военном деле, изоощряясь среди опасностей, и приобрели большой опыт»⁶. Все это действительно

² Коллингвуд Р. Идея истории. - Москва: Наука, 1980. - С. 31. [Kollingvud R. Ideia istorii. Moskva: Nauka, 1980. - S. 31.].

³ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. - Т.1. - с. 22; Т.2, с. 48. [Fukidid. Istoriia. Per. F.G. Mishchenko. V 2-kh tt. Moskva. 1887-1888. Pereizdanie: Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. - T.1. c. 22; T.2, s. 48.].

⁴ Keohane, Robert O. Realism, Neorealism and

the Study of World Politics // Neorealism and Its Critics. NY: Columbia University Press, 1986. - P. 7.

⁵ De Romilly. Thucydideet'impérialismeathénien, la pensée de l'historien et la genèse de l'œuvre. Paris, 1947/1961.

⁶ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. - Т.1, с. 18, 3. [Fukidid. Istoriia. Per. F.G. Mishchenko. V 2-kh tt. Moskva. 1887-1888. Pereizdanie: Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. - 588 s. - T.1, s. 18, 3.].

дало огромный материал для размышлений и обобщений.

После неудачной попытки морского десанта под командованием Никия, Мелос, в течение десяти лет оставался не подвластным Афинам. Наконец, Афины направили на Мелос посольство с ультиматумом: или присоединиться к Афинскому морскому союзу, или быть уничтоженным.

Мелийский диалог, по-видимому, может быть рассмотрен как самые первые из известных нам дебатов⁷ между представите-

⁷ Как известно, в теории международных отношений принято рассматривать процесс становления науки через т. н. «Великие дебаты», первыми из которых считаются как раз дебаты между политическими реалистами и идеалистами после окончания Второй мировой войны. См., например, работы Nau, Henri R. *Perspectives on International Relations. Power. Institutions. Ideas.* Washington. 2012; *International Relations Theories. Discipline and Diversiyu* / Ed. by Nim Dunne, Milja Kurki, and Steven Smith. Oxford. 2007; *Theories of International Relations.* Ed. by S.Schiederand M. Spindler. London: 2014; Weber, Cynthia. *International Relations Theory. A Critical Introduction.* London. 2014; а так же книги отечественных авторов: Т.А. Алексеева. *Политическая теория и международные отношения XX–XXI вв.* М. 2015; Лебедева М.М. *Мировая политика.* М. 2011.; *Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ.* Под ред В.И. Гантмана. М. 1976; *Современные международные отношения.* Под ред. А.В. Торкунова и А.В. Мальгина. М. 2012; Цыганков П.А. *Теория международных отношений.* М. 2003 и др. работы. [As it is well known, the process of the evolution and formation of the theories of international relations is used to study through so called “Great Debates”, the first of which were the debates between political realists and political idealists after the end of the Second world war See, for example, the works of Nau, Henri R. *Perspectives on International Relations. Power. Institutions. Ideas.* Washington. 2012; *International Relations Theories. Discipline and Diversiyu* / Ed. by Nim Dunne, Milja Kurki, and Steven Smith. Oxford. 2007; *Theories of International Relations.* Ed. by S. Schiederand M. Spindler. London: 2014; Weber, Cynthia. *International Relations Theory. A Critical Introduction.* London. 2014; as well as the works of the Russian experts: T.A. Alekseeva. *Politicheskaiia teoriia i mezhdunarodnye otnosheniia XX–XXI vv.* М. 2015; Lebedeva M.M. *Mirovaia politika.* М. 2011.; *Sovremennye*

лями двух групп, одну из которых с существенной долей условности, позднее назовут реализмом (афиняне), а другую – идеализмом (мелийцы). Как и спустя две тысячи лет, в центре диалога находился вопрос: могут ли международные отношения основываться на международном порядке, вытекающем из принципов справедливости, или же они – всегда арена столкновения конфликтующих национальных интересов и сил?

Объясняя смысл конфликта, Фукидид использовал прием диалога, якобы состоявшегося до начала осады, вложив в уста будущих участников конфликта объяснения мотиваций их поведения. Мелийцы подчеркивают свой нейтральный статус, высказывая предупреждение, что его нарушение приведет дурное впечатление на другие нейтральные государства. Но этот аргумент не впечатляет афинян – к этому времени почти все острова уже покорены. Поэтому для мелийцев выбор состоял между войной и подчинением афинянам⁸.

Будучи очевидно слабее в военном отношении по сравнению с афинянами, мелийцы выстроили свои аргументы на основе обращений к справедливости, в частности, на обвинении афинян в несправедливости. Они надеялись, что Боги компенсируют их слабость, поскольку они выступают за правое дело⁹. Они апеллировали к необходимости достижения какой-то договоренности с помощью переговоров, ибо стремились сохранить свой статус, не желая отказываться от свободы, которой пользовались на протяжении 700 лет. Последующие интерпретаторы именно здесь нашли намеки на будущие идеалистские, либеральные взгляды: веру в

burzhuzaznye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Kriticheskii analiz. Pod red V.I. Gantmana. М. 1976; *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia.* Pod red. A.V. Torkunova i A.V. Mal'gina. М. 2012; Tsygankov P.A. *Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii.* М. 2003; and other works].

⁸ Фукидид. *История.* Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 588 стр. – Т. 5.86. [Fukidid. *Istoriia.* Per. F.G. Mishchenko. V 2-kh tt. Moskva. 1887-1888. Pereizdanie: Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. - 588 str. - Т. 5.86.].

⁹ Фукидид. *История.* Пер. Ф.Г. Мищенко. Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. 5, С. 90, 104, 112. [Thucydides. Op. cit. Т. 5. С. 90, 104, 112].

то, что нации имеют право на политическую независимость, что они связаны взаимными обязательствами по отношению друг к другу, что агрессивная война несправедлива в принципе и т.д. Патриотизм мелийцев вылился в решимость защищать себя, скорее в силу надежды, нежели рациональных калькуляций. Мелийцы были уверены, что их союзники-лакедемоняне обязательно придут им на помощь. Этого так не случилось – город был осажден, взят, все мужчины казнены, женщины и дети проданы в рабство – из этого будущие реалисты делали вывод об опасности веры в мораль, справедливость и обещания союзников, когда враг стоит у ворот.

Афиняне призывали мелийцев прекратить разговоры о морали и взглянуть на ситуацию трезво, т.е. признать свою военную слабость и подумать о возможных последствиях столкновения, поскольку речь идет об их выживании¹⁰. Афиняне ссылаются на «законы природы», где сильный повсеместно властвует над слабым. В сущности, здесь Фукидид очевидно опирается на философию софистов Калликлесаа и Фрасимаха – «сила есть право». Однако последующие интерпретаторы усматривают в этом отрывке реалистскую логику, в основе которой лежат соображения безопасности и собственных интересов, предполагающие опору на рациональность и способность к предвидению. Однако это довольно поверхностный взгляд. Мелос – государство довольно слабое и хотя бы в силу этого не могло представлять угрозу для афинян, а, соответственно, и интерес протоимперии отнюдь не сводился к заботам о безопасности, а скорее демонстрировал цинизм хватательного инстинкта.

Политические реалисты фактически пропустили из виду, а Фукидид настойчиво проводил мысль о том, что сила, неограниченная чувством справедливости, порождает неконтролируемое стремление к бесконечному увеличению, ведь не существует логических пределов расширения размеров империи. Опьяненные перспективами славы и добычи после оккупации Мелоса,

¹⁰ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. 5. С. 87, 101. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. С. 87, 101].

Афиняне, собственно, и ввязались в войну с Сицилией. Они не обратили внимания на аргумент мелийцев о том, что в длительной перспективе справедливость всегда торжествует¹¹. Аргументы афинян, их логика переоценки силы и собственного интереса, в конце концов, в исторической ретроспективе предстала в качестве недальновидной. Войну они проиграли. Более того, разрушение Мелоса никак не сказалось на дальнейшем ходе Пелопонесской войны, а лишь стимулировало стремление к дальнейшим победам. В любом случае, значение записанного и осмысленного опыта Пелопонесской войны бесценно. Хотя и по другому поводу, современный американский историк Уильям Бернстайн подчеркивает: «Именно в Афинах впервые появились многие европейские научные и культурные институты. Стали Афины и пионером в другой, менее славной традиции. За века, прошедшие со времен Пелопонесской войны, они стали первой в ряду дряхлеющих европейских империй, прошедших унизительный путь от мировых держав до тематических архитектурных парков, знаменитых только произведениями искусства, архитектурой, учебными заведениями и своей историей»¹².

Следует отметить, что, Фукидид не поддерживал ни наивный идеализм мелийцев, ни цинизм их афинских оппонентов. Он учил читателей с осторожностью относиться к «наивным мечтам в мировой политике», равно как и предостерегал «против другой пагубной крайности: неограниченного цинизма»¹³. В этом смысле Фукидид вряд ли может считаться прямым предтечей сторонников «реальной политики».

Как известно, реалисты в целом неоднократно выражали скепсис по отношению к роли морали в международных отношениях. Некоторые из них жестко утверждают, что

¹¹ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. 5. с. 90. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. С. 90].

¹² Бернстайн У. История мировой торговли. – Москва: АСТ, 2013. – С. 64-65. [Bernstein U. Istoriia mirovoi trgovli.– Moskva: AST, 2013. – С. 64-65.].

¹³ Donnelly, James. Realism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 193.

для морали в международных отношениях вообще нет места; другие делают акцент на напряжении между моральными требованиями и успешностью политических действий; третьи – говорят о разнице между моралью конкретного государства и традиционной моралью, или же вообще относятся к ней инструментально ради узаконивания поведения того или иного государства.

Таким образом, бросается в глаза как минимум односторонность реалистов при чтении Фукидида. Они фактически не заметили рассуждений Фукидида о морали, справедливости, легитимности, уважении норм добрососедства, значении риторики, институтов и использования возможностей для договоренностей, об особенностях национального характера и т.п. Это – отражение современных позитивистских представлений о разделении между социальными науками и этическими принципами, которого в принципе не могло быть в античные времена. И хотя Фукидид не занимался морализаторством в тексте своей «Истории...», он, очевидно, размышлял над необходимостью осторожности и ценности мира как такового, его превосходства над ужасами войны и насилия. В этом смысле, он – «последний из трагиков», опирающийся на древнегреческую традицию эпической поэзии и трагедии при конструировании истории, как писал о нем известный английский исследователь Нед Ричард Лебов¹⁴.

В основе рассуждений Фукидида о великих войнах за гегемонию лежит его представление о природе человека. По его мнению, природа человека неизменна и в силу этого, исторические события будут повторяться в будущем вновь и вновь. Здесь следует сделать существенную оговорку. Если тезис о природе человек, в самом деле, лег в основу «классического» реализма, то неореализм занял другую позицию. Неореализм, как известно, видит свое главное отличие от реализма «классического» в наличии теории, снижающей значение чуть ли не всех факторов, за исключением структуры международной системы, т.е. представления о том, как именно в ней распределена сила и, соот-

ветственно, как это распределение будет влиять на действия государств. Например, Джон Миршаймер, как и другие неореалисты, в книге «Трагедия политики великих держав» доказывал, что анархическая система создает сильные голодные государства, каждое из которых будет пытаться утвердить себя в качестве региональных и глобальных гегемонов¹⁵. Неореализм отбросил идею о том, что природа человека в состоянии объяснить сущностно конфликтную природу международных отношений. Понятно, что при таком подходе Фукидид значительно труднее вписывался в неореализм, констатирует, например, Роберт Гилпин¹⁶.

Но вернемся к Фукидиду. Под влиянием Гиппократа, он, подобно лекарю, вскрывает болезни полиса, типические патологии в природе человека. Отсюда и общий закон исторического развития в его трактовке – в человеке изначально заложено стремление угнетать окружающих, ибо сильный всегда господствует над слабым. Но это не означает, что человеческая природа закаменела и вообще не поддается изменениям. Оставаясь по сути своей, прежде всего эгоистической, она может претерпевать определенные метаморфозы, направленные либо к вырождению и «зверству», либо к облагораживанию (как у Перикла под влиянием стремления к свободе). В любом случае, благородные человеческие качества – доблесть, гуманность, честь вырождаются под влиянием аморальной исторической действительности. Но это скорее внешние изменения, по сути же своей, природа человека всегда неизменна. Поэтому антисоциальный характер природы человека противоположен праву как человеческому установлению, созданному ради сдерживания политической системой человеческого эгоизма, корыстолюбия, честолюбия и жадности. Поэтому в войне, писал Фукидид, «человеческая природа, которой свойственно впадать в преступления, вопреки законам, взяла верх <...> и с наслаждением проявляла себя, господствуя

¹⁴ Lebow, Richard N. *The Tragic Vision of Politics*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

¹⁵ Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*. - NY: Norton, 2001.

¹⁶ Gilpin, Robert. *The Theory of Hegemonic War // The Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 18, No. 4, *The Origin and Prevention of Major Wars*, Spring, 1988. - P. 593, 599, 605.

над правом и враждая с лицами, имеющими превосходство»¹⁷.

Поскольку природа человека всегда опирается на три фундаментальные страсти – интерес, гордость и, превыше всего, – страх, люди и в будущем будут стремиться к тому, чтобы увеличить свое богатство и силу до тех пределов, которые допустят другие люди, обуреваемыми теми же страстями¹⁸.

Итак, конфликтность заложена в самой природе человека. Отсюда – значение, придаваемое собственному интересу. Уже во время дебатов в Спарте, описанных в книге Первой, афиняне указывают на превосходство собственного интереса над моралью, ибо последняя никогда не способна отвратить людей от использования возможности увеличить преимущества, вытекающие из превосходства в силе¹⁹. «Искони так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему <...> да и вы сами в недавнее время думали так же. Теперь вы, думая о своей выгоде, ссылаетесь на справедливость. Но соображения справедливости никогда еще не заставляли упустить представившийся случай расширить свое могущество с помощью силы»²⁰.

Этот тезис был прямо перенесен в политический реализм XX века. Реалисты взяли у Фукидида крайне пессимистический подход к природе человека, представляя его как эгоиста, властолюбца, способного на всякое зло в отсутствие централизованного правления, собственные интересы которого всегда важнее для него любых моральных принципов, или, говоря словами Ганса Моргентау,

человеку присущ «эгоизм и *animus dominandi* (жажда власти – лат.)»²¹. Реализм во всех своих вариантах, подчеркивает современный американский исследователь Роберт Гилпин, предполагает «сущностно конфликтную природу международных отношений» и «приоритет во всей политической жизни силы и безопасности в человеческих мотивациях»²². Между тем, у Фукидида все гораздо сложнее: природе человека, в его редакции, свойственно как стремление к силе и доминированию, так и страсть к свободе и независимости. Советский эллинист Г.А. Стратановский, один из лучших знатоков Фукидида, выдвинул предположение, что целью Мелийского диалога было не столько возвеличивание силы за счет морали, сколько «контраст между высокими идеалами Надгробной речи Перикла и открытым цинизмом его преемников»²³.

Что же касается древнегреческого понимания гордости, то оно существенно отличалось от ее современной интерпретации, поскольку государство – унитарный, рациональный актор, к которой политические реалисты применяют это понятие, – продукт эпохи Модерна. В то время как герменевтическое прочтение «Илиады» и других источников позволяет представить гордость, прежде всего, как стремление к славе, что, понятно, отнюдь не одно и то же. Более того, политические реалисты зачастую употребляют другой термин – «престиж», что, по-видимому, еще дальше от оригинала. Такие «классики» политического реализма как Ганс Моргентау и Роберт Гилпин писали о престиже с позиции жесткой инструментальности, престиж никогда не подавался ими как цель в себе, а лишь как средство обеспечения национальных интересов.

Наконец, страх, значение которого огромно в природе человека. Фукидид прямо гово-

¹⁷ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва, 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. I, III, 84, 2. [Thucydides. Op. cit. – Т. I, III, 84, 2].

¹⁸ См. Morgenthau, Hans J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, 5th ed. New York: Knopf, 1978; Gilpin, Robert. *War and Change in International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1981.

¹⁹ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. I. С. 76. [Thucydides. Op. cit. - Т. I. С. 76]

²⁰ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 588 стр. – Т. I. С. 75). [Thucydides. Op. cit. - Т. I. С. 75].

²¹ Morgenthau, Hans. *Scientific Man versus Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1974. - P. 191.

²² Gilpin, Robert G. *The Richness of the Tradition of Political Realism*, in Robert O. Keohane (ed.) *Neorealism and Its Critics*. New York: Columbia University Press, 1986, - Pp. 301–21; 304–5.

²³ Стратановский Г.А. Примечания к «Истории» Фукидида. – М, 1981. – С. 492. [Stratanovskii G.A. *Primechaniia k «Istorii» Fukidida*. – М, 1981. - S. 492].

рит о том, что Спарта начала войну вследствие страха, который ей внушала растущая мощь Афин. Он подчеркивал, что «рост силы Афин и беспокойство, которое это вызвало в Спарте, сделало войну неизбежной»²⁴, то есть не события в Эпидамне и Потидее, а именно возвышение афинского могущества, возбудило в лакедемонянах страх и зависть²⁵). Именно страх оказывается главной причиной войны. Фукидид рассматривает страх как одну из универсальных характеристик человека, вытекающей из его злобной природы, поэтому война – неизбежная характеристика международной системы. По мере дестабилизации баланса сил, являющегося, по Фукидиду, единственным средством обеспечения мира, по мере усиления Афин и роста ощущения отсутствия безопасности у спартанцев, стремление последних защитить себя также возрастало. У политических реалистов эта мысль будет впоследствии выражена предельно просто: без баланса сил мир невозможен в принципе, так как он сравнительно разрушается, что, собственно, и становится причиной войны.

Для реалистов, а особенно, неореалистов, анархичность состояния международной системы – чуть ли не ключевая категория. Отсутствие централизованно принимаемых решений приводит к тому, что каждое государство само ответственно за собственное выживание и свободно определяет собственные интересы и обеспечивает свою силу. Анархия, таким образом, приводит к ситуации, в которой сила играет важнейшую роль в определении характера межгосударственных отношений. Или, говоря словами афинских посланников в Мелосе, в отсутствие общего авторитета (центра власти), который может принудить к порядку, «независимые государства могут сохраниться, когда они сильны»²⁶.

²⁴ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. I. С. 23. [Thucydides. Op.cit. – Т. I. S.23].

²⁵ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. I. С. 23; Т. II. С. 8. [Thucydides. Op.cit. – Т. I. S.23; Т. II. S. 8].

²⁶ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. 5. С. 97. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. S. 97].

Фукидид не отказывался от правовых норм во взаимодействии между государствами, но справедливость, по его мнению, «имеет решающее значение только при равенстве принуждения для обеих сторон; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает»²⁷. «Равное принуждение», поясняет современный юрист Кораб-Карпович, означает нахождение под действием закона, т.е. подчинение общему авторитету, издающему законы²⁸. Поскольку такой авторитет в межгосударственной сфере не существует, то Афиняне утверждали, что имеют место беззаконные условия – международная анархия, поэтому здесь действует исключительно право сильного, доминирующего над более слабым. Тем самым, они фактически отождествили право и мощь и полностью исключили соображения справедливости из сферы международных отношений.

Соответственно, проблема безопасности становится наиболее важной в деятельности государства. Ради обеспечения безопасности государства стремятся увеличить собственную силу и принимают участие в игре баланса сил с тем, чтобы обеспечить «сдерживание» потенциального агрессора. Войны ведутся для того, чтобы не позволить конкурирующим государствам слишком увеличить свою военную мощь. Иными словами, Фукидид ясно указал на их, по сути дела, превентивный характер.

Древние греки оставили в наследство будущим «реалистам» представление о трех типах разума в международных делах: инструментальном разуме, практическом разуме, и наконец, мудрости. Инструментальный разум, иначе называемый стратегическим мышлением, используется актерами ради достижения поставленных целей. Практический разум поощряет актеров на переосмысление своих целей, или накладывает ограничения на способы их достижения на основе опыта, собственного или благоприобретен-

²⁷ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. 5. С. 89. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. S. 89].

²⁸ Korab-Karpowicz, Wlodzimierz J. How International Relations Theorists Can Benefit by Reading Thucydides. *The Monist*, 2006. - № 89(2). - P.234.

ного из каких-то источников. Мудрость также заставляет акторов пересмотреть цели, однако, не под влиянием конъюнктурных моментов, а вследствие целостного представления о мире и своем месте в нем.

Современная теория международных отношений, как правило, ограничивается инструментальным разумом, и в значительной степени игнорирует эмоциональную сторону принятия решений (у Фукидида, страсть). Большинство политологов и психологов, занимающихся этой проблемой, в основном обращают внимание только на то, в какой степени страсть мешает принятию рациональных политических решений. Однако еще древние греки, включая Фукидида, хорошо понимали, что страсть может играть позитивную, а часто и сущностно необходимую роль при принятии даже наиболее взвешенных и продуманных решений.

Вместе с тем, использование разных типов разума в сочетании с различными уровнями страсти открывает широкий спектр возможностей. В истории Пелопонесской войны мы находим множество свидетельств баланса сил, нападений, жадности, амбиций, зависти, нарушений данного слова, интриг и наглого утверждения собственных интересов. И, разумеется, все это так или иначе связано с войной. Именно в этом реалисты увидели динамику отношений между городами-государствами древней Греции, пронизывающую весь текст «Истории...». То есть в международных отношениях, заключают современные «реалисты», чаще всего можно встретить негативную страсть (страх, подозрительность, враждебность и т.д.) и лишь изредка позитивную аффектацию (уважение, дружба), как правило, следствия применения практического разума. Таким образом, негативная аффектация в принципе присуща миру, построенному на страхе. Однако сам Фукидид подчеркивал, разумеется, другими словами, в том числе в Милейском диалоге, что негативная аффектация деструктивна по своим последствиям и не может быть нормой ни в каком обществе. И вот здесь происходит расхождение между собственной Фукидидовой и его политико-реалистскими интерпретаторами. Реализм призывает политических лидеров воспринимать эту патологию как норму, что существенно затрудняет выстраи-

вание отношений сотрудничества с другими государствами²⁹.

Практический разум в сочетании с позитивными последствиями сотрудничества позволяют избежать «дилеммы безопасности». Это происходит в силу того, что внимание лиц, принимающих решения, направляется на преимущества сотрудничества или даже конфликта, но который происходит не стихийно, а в соответствии с четко согласованными процедурами. В подобном контексте инструментальный разум не утрачивает своего значения, наоборот, он формируется под влиянием ценностей и склонностей акторов, и это всегда так. Как следствие, он в меньшей степени ограничивается правилами и оказывается менее деструктивным по своим результатам. Политические реалисты и другие сторонники позитивистской методологии делают ошибку, рассматривая инструментальный разум как универсальный и свободный от ценностей. Кстати, у Фукидида, понятно, ничего подобного не было. Решения, которые он описывает, всегда связаны с ценностями или привязанностями действующих лиц.

Отсюда проистекает расхождение между оригиналом и интерпретациями относительно мотивов и причин войн и конфликтов. Фукидид четко противопоставляет повод и глубинные причины Пелопонесской войны, отвергая практически все события, непосредственно предшествовавшие ее началу, в качестве достаточных оснований для конфликта. Он видел причину войны в изменяющемся распределении сил между двумя блоками греческих городов-государств: Делийской Лиги под руководством Афин, и Пелопонесской Лиги под руководством Спарты. Именно рост афинской силы заставил спартанцев опасаться за собственную безопасность и, поэтому, побудил их начать войну.

В «политическом реализме» нет единого понимания проблемы мотивации. Некоторые реалисты, например, Ганс Моргентау, утверждают, что мы никогда не знаем доподлинно истинные мотивы зачинателей конфликта. Он писал: «Мотивы – наиболее

²⁹ Lebow, Richard N. The Long Peace, the End of the Cold War, and the Failure of Realism // International Organization, Spring 1994, №48. - Pp. 249-277.

иллюзорные из психологических понятий <...> будучи искаженными, часто вплоть до неузнаваемости, как благодаря интересам, так и эмоциям и актора, и наблюдателя. Знаем ли мы, что представляют собой наши собственные мотивы? И что мы знаем о мотивах других»? Однако с этим соглашаются далеко не все реалисты. На другом полюсе – сторонники противоположной позиции, например, Дж. Блэни, утверждающий, что мы всегда знаем, что именно мотивирует конфликт: «Одно обобщение относительно целей войны может быть уверенно сформулировано. Цели – это просто варианты силы. Тщеславие национализма, воля к распространению идеологии, защита соплеменников в сопредельных землях, стремление расширить территорию или создать условия для торговли, месть за поражение или оскорбление, страстное желание добиться большей национальной силы или независимости, желание произвести впечатление или сementировать союзы – все это представляет собой силу в разных оболочках. Конфликтные цели конкурирующих государств – это всегда конфликты силы»³⁰.

Среди множества уроков, которые Фукидид преподал в «Истории Пелопонесской войны», есть и такой: то, с чего начинается война, не является ее причиной, – убеждены, в том числе, и современные реалисты. «Как известно, Пелопонесская война разгорелась в 5-м веке до н.э. из-за споров об островах Коркира на северо-западе Греции и Потидея на северо-востоке. Сами по себе эти территории не представляли стратегической ценности. Однако полагать, что войны ведут только из-за прежних территорий, означает плохо читать Фукидида. Пелопонесская война началась НА этих островах, но не ИЗ-ЗА них. Истинной же причиной, о которой он пишет в Первой книге своей восьмитомной истории, стало растущее превосходство Афин на море и то беспокойство, которое оно вызвало у Спарты и ее союзников. Например, сегодня недалекие аналитики скажут, что причиной конфликта в Южно-Китайском море явля-

³⁰ Цит. по: Welch, David. Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides? // Review of International Studies, 2003, № 29. - P.306.

ются нефтяные запасы, морские пути и т.д. Фукидид и Гоббс сказали бы, что нет – растущая военно-морская мощь Китая»³¹.

Практически все реалисты сходятся во мнении о том, что главной мотивацией лидера должна быть максимизация силы и только во вторую очередь достижение справедливости. В любом случае, ставка на силу противопоставляется справедливости. Высшим проявлением морали становится умеренность в использовании силы³².

Посмотрим, какую интерпретацию это получило в трудах реалистов. Так, Роберт Гилпин в «Теории гегемонистской войны» писал: «... по Фукидиду великая гегемонистская война, подобно болезни, следует едва различимому и повторяющемуся курсу. Исходная фаза-это относительно стабильная международная система, характеризующаяся иерархической упорядоченностью с доминирующей или гегемонистской страной. Со временем сила одного из подчиненных государств начинает диспропорционально возрастать; по мере развития оно приходит в конфликт с гегемонистским государством. Борьба между этими конкурентами и их приобретенными союзниками приводит к bipolarизации системы. На языке теории игр система становится игрой с нулевой ситуацией, в которой приобретение одной стороны обязательно означает потерю для другой. Как только происходит bipolarизация, система становится все более нестабильной и даже небольшое событие может запустить кризис и превратиться в крупный конфликт; разрешение этого конфликта определяет нового гегемона и иерархию власти в системе»³³. Из книги в книгу, из учебника в учебник воспроизводится также тезис о том, что война, по Фукидиду, неизбежный результат раскола

³¹ Каплан Р. Происхождение войн. // The Prime Russian Magazine. – 2013. – № 2(17). Март-апрель. – С. 33–34. [Kaplan Rt. Proischozhdenie woin // The Prime Russian Magazine. - 2013. - № 2(17). March-april. - S. 33-34].

³² Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. I, I, 76, 3–4. [Thucydides. Op.cit. – T.I, 76, 3-4].

³³ Gilpin, Robert. The Theory of Hegemonic War.// The Journal of Interdisciplinary History, Vol. 18, No. 4, The Origin and Prevention of Major Wars, Spring, 1988. - P. 593.

древнегреческого мира на два блока. Это тезис теперь получил поддержку с помощью достижений современных социальных наук. Ситуацию во время Пелопонесской войны часто обозначают как «биполярную» – идея, взятая из естественных наук, так сказать, дань позитивизму, которой в то время, конечно же, еще не могло быть.

Блестящие победы при Марафоне и Саламине, «золотой век» афинской демократии при Перикле – все это уже несло в себе зародыш будущих трагических событий. Мир – неустойчивое состояние. Фукидид вводит понятие «стасис», понимая под ним восстания и гражданские беспорядки, совокупность симптомов, указывающих на внутренние нарушения как в личности человека, так и в государстве.

Однако такой «беспорядок» – своего рода передышка, поскольку в этот период жизнь не улучшается, и не развивается³⁴. Во времена стасиса политическое сообщество переживает разрушение законов полиса, нарушения высшего, божественного порядка (неуважение к богам становится чуть ли не нормой), распад добрых и дружественных отношений во имя приверженности какой-то из противостоящих групп. Однако, как только какое-то одно государство усиливается, мир (при всех его недостатках) нарушается, так как природа человека диктует стремление к превосходству со стороны главного соперника. Поэтому война для реалистов – это норма. Эта мысль всплывает в истории вновь и вновь. Не случайно такой любитель парадоксов как английский писатель Оскар Уайльд писал, что до тех пор, пока война будет считаться злом, у нее всегда будут привлекательные стороны; и только тогда, когда ее сочтут вульгарной, она утратит свою популярность. Похоже, это еще одна констатация неизменности природы человека.

Суммируем взгляды Фукидида в трактовке одного из современных политических реалистов: Кто бы, за исключением профессиональных историков, помнил сегодня эту войну, хотя она и была одним из величай-

ших событий для Эллады, если бы Фукидид не сформулировал на ее примере основные принципы международных отношений в будущей трактовке политического реализма:

- главным аргументом в конфликте между государствами является сила;
- мотивами действий государств выступают честь, амбиции и страх утраты безопасности;
- насилие опирается на природу человека;
- конечно, для права и морали также находится место в международных отношениях, однако только в мирное время, пока конфликт не принял открытого характера.

Ибо, подобно тому, как Геродот – отец истории, Фукидид – отец реализма³⁵.

В любом случае, вклад Фукидида в критический анализ и рационализм огромен: он не просто стремился «отыскать истину», он вел свой поиск на основании достоверных свидетельств и документов, многократно перепроверя полученную информацию. Опираясь на рационалистические идеи Анаксагора и философской школы софистов, он акцентировал идею постепенности развития, раскрыл смысл причинно-следственных связей, определенно противопоставлял причины и поводы войны или случайные обстоятельства.

* * *

Довольно вольная интерпретация Фукидида, по-видимому, началась с Томаса Гоббса, одной из первых научных работ которого был перевод его «Истории...»³⁶. Похоже, что именно Гоббс был в немалой степени ответственен за упрощение и даже выхолащивание идей Фукидида, что воодушевило более поздних теоретиков, вооруженных достижениями естественных наук, пойти еще дальше по пути фиксации нескольких простых истин, первоначально сформулированных древнегреческим исто-

³⁴ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. 3. С. 82. [Thucydides. Op.cit. – Т. 3. С. 82]

³⁵ Каплан, Роберт. Происхождение войн // The Prime Russian Magazine, 2013. – № 2(17). Март-апрель. – С. 33–34. [Kaplan R. Proischozhenie woin // The Prime Russian Magazine. - 2013. - № 2(17). March-April. - P. 33-34].

³⁶ Thucydides. The Peloponessian War. Trans. By Thomas Hobbes. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1959.

риком³⁷. Гоббс выстроил свою теорию на основе идеи конфликтности как нормы, войны всех против всех – *bellum omnium contra omnes*. «Две фундаментальные инновации, которые могут быть приписаны Гоббсу, – позднее напишет Лео Штраус, – подчинение закона силе и признание важного значения идеи суверенитета, тесно взаимосвязаны. Можно увидеть их общее происхождение (в том числе, от Фукидида? – *T.A.*), когда вновь прослеживаются условия, сделавшие возможной проблему суверенитета»³⁸. Но дело не только в этом. Не секрет, что Гоббс прямо искажал Фукидида, когда это служило его политическим интересам. Так, он представил греческого историка чуть ли не противником демократии и сторонником твердой власти, хотя Фукидид во многих местах книги восхищался Периклом и временем его правления, осуждая олигархический переворот в Афинах. Но это Гоббс, как и многие последующие интерпретаторы, предпочел не придать большого значения.

В то же время, у Фукидида и Гоббса много как совпадений, так и различий. Оба мыслителя не отрицают наличия морали в международных отношениях (в отличие от более поздних реалистов, для которых международная система часто представляла как свободная от моральных установлений и ценностей). Фукидид более скептичен, нежели Гоббс, но даже он признавал значение морали, рассказывая о взглядах спартанцев на международную систему³⁹.

Эстафета опоры на Фукидида была позднее подхвачена Дэвидом Юмом⁴⁰ и, наконец, политическими реалистами от «классиков» – Ганса Моргентау, Раймона Арона и других, и вплоть до «неореалистов»

или «структурных реалистов» в наши дни⁴¹. Даже в последнее время неореалисты или структурные реалисты обращаются к Фукидиду, усматривая в его идеях основания для «баланса сил» как ключевого ядра их теорий. Они усмотрели в Пелопонесской войне урок системных изменений, т.е. перемен в иерархии и контроле в международной политической системе. Значение выводов Фукидида однозначно фиксируется, например, в статье «Политический реализм в международных отношениях» в знаменитой Стэнфордской энциклопедии философии⁴². Помимо таких реалистов, как Р. Гилпин и К. Уолтц, стоит назвать также известного политического мыслителя Лео Штрауса, также подчеркивавшего возможность использования выводов из «Истории...» в современной ситуации в качестве законов политики, или «скрытых универсалий», служивших основой для внешней политики США и их доктрины безопасности после окончания Второй мировой войны, особенно в годы «холодной войны». Их он назвал «политической философией Фукидида», в самом деле, ставшей философским основанием для множества теоретических работ.

Однако со Штраусом также все не так-то просто. Хотя в научной литературе он постоянно провозглашается «ястребом», сторонником беллицизма, в том числе, и под влиянием Фукидида, некоторые исследователи видят картину по-другому. Например, английский теоретик Роберт Хаусе, прочитавший не только широко известные опубликованные книги Лео Штрауса, но и малоизвестные тексты лекций философа. Штраус обратил внимание на то, что Клеон – «самый жестокий человек в Афинах» и одновременно «наиболее популярный среди простых людей» ратовал за коллективное наказание милейцев, поскольку и правые, и виноватые равно заслуживают смерти. Диадот возражает ему, что речь идет не о вине, а о пользе, о том, как сделать милейцев полезными для Афин и их имперского правления. Штраус указал, что идея коллек-

³⁷ Welsh, David A. Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides? // *Review of International Studies*, 2003. - № 29. - P. 309.

³⁸ Strauss, Leo. *Political Philosophy of Hobbes. Its Basis and its Genesis*. Chicago: Chicago University Press, 1952. - P.158.

³⁹ Ahrendorf, Peter. “Thucydides” Realist Critique of Realism // *Polity*, 1997, Vol. 2, № 2. - Pp. 231-265.

⁴⁰ Hume, David. *Of the Balance of Power* // Hume, David. *Political Writings*. Ed. by Stuart Warner and Donald Livingston. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1994.

⁴¹ *Roots of Realism*. Ed. by Benjamin Frankel. London: Frank Cass, 1996.

⁴² См.: *Political Realism in International Relations* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2013. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/realism-intl-relations>

тивной вины появилась на вершине афинской цивилизации, в то время как речь Диадота – пример «просвещенного афинского гуманизма». Р. Хаусе делает из сказанного дальнейший вывод: «Речь предполагает возможность того, что специфическая еврейская концепция *“t’shivah”*⁴³ проистекала из опыта человечности и условий человеческого существования, которые, как минимум, были обычными в греческом мире, равно как и появляющаяся религия – потенциально универсальная»⁴⁴. Именно гуманизм Фукидида, прорывающийся через его стандартный образ в научной литературе, позволяет сделать вывод о том, что роль историка – в предчувствии потенциальной связи между Афинами и Иерусалимом. Таким образом, речь идет в данном случае уже не только об интерпретации Фукидида, но также Лео Штрауса, а, по-видимому, и их интерпретаторов – своего рода тройной интерпретации.

Изучению «поляризации» в эллинистическом мире отдали должное и другие политические реалисты, в частности, Луис Халле, Джозеф Най, Роберт Кохейн и др. Майкл Доул даже констатировал, что «для большинства ученых, работающих в международной политике, думать как Реалист значит думать как думал первоначально философ и историк Фукидид⁴⁵». Наконец, стоит также упомянуть Генри Киссинджера, неоднократно обращавшегося к опыту Пелопонесской войны, как в своей докторской диссертации, так и будучи Советником по национальной безопасности и Государственным секретарем США в 1970-е гг. Он также не избежал искуса принять участие в растаскивании фрагментов Фукидида на отдельные уроки. Когда он говорил в период «холодной войны», называя СССР «Спартой нашего времени» (имелось в виду, что, разумеется, аналогом Афин выступают США), или гарнизонным государством, журналист

не удержался, чтобы не спросить: «Означает ли это, что мы обречены проиграть?»⁴⁶. «Малые войны», даже такие как войну во Вьетнаме или в Ираке неоднократно сравнивали с Сицилийской экспедицией. Есть признаки того, что Фукидид может снова претерпеть новую вульгаризацию в контексте сегодняшнего ухудшения отношений между Россией и Западом.

Нужно, однако, оговориться, что реализм представлен сегодня во множестве течений, которые не всегда комфортно сосуществуют друг с другом, и, соответственно, и влияние Фукидида не в каждом случае равноценно. Тем не менее, большинство теоретиков-реалистов хорошо усвоили урок относительно того, что сила тождественна праву. Они признают, что хотя у этики есть собственная адекватная сфера внутри государства, она не распространяется на межгосударственные отношения, поэтому попытки регулировать межгосударственные отношения на основе сходной перцепции приводят к узакониванию интервенций против суверенных государств. Если перефразировать слова Ганса Моргентау, нет ничего более опасного, чем смешивание морали с внешней политикой. Но именно это и происходило в годы «холодной войны», когда стремление свести противостояние с СССР к «игре с нулевой суммой» на основе доктрины баланса сил, приводило к многочисленным интервенциям в таких регионах как Латинская Америка, Ближний Восток, Азия, Средиземноморье с целью противодействия коммунистической угрозе. Значение этих интервенция для американских национальных интересов превосходило всякое чувство «аморальности», которое могло возникнуть вследствие поддержки нередко жестоких и крайне недемократичных режимов. Или иначе, поддержка принципов гражданского общества внутри страны (также вызывающая немало вопросов) отнюдь не распространялась на другие культуры и страны, если это грозило подрыву баланса сил.

Еще раз подчеркнем, что сам Фукидид отнюдь не был сторонником аморализма в международной сфере. Он всегда занимал противоположную позицию, когда дело

⁴³ Понятие «Шивах» обозначает семидневный плач близких родственников по умершему. Он имеет две цели: восславление умершего и помощь плакальщикам пережить потерю.

⁴⁴ Howse, Robert. *Leo Strauss: Man of Peace*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. - Pp.138-139.

⁴⁵ Doyle, Michael. *Thucydidean Realism // Review of International Studies*, July 1990, № 16. - P.223.

⁴⁶ *National Interest*, 2014, May, 2.

касалось взаимоотношений между индивидами и характеристик отдельных людей. Для него мораль была исключительно важна. В дебатах, предшествующих Сицилийской экспедиции, он восхвалял Никия за его высокую мораль, осуждал аморализм Алкивиада.

Следует признать, что многое в реалистских воззрениях, в самом деле, резонирует сказанное Фукидидом. Доктрина реализма опирается на ряд пассажей «классического» текста, а также восприняла общую характеристику динамики взаимоотношений между государствами, раскрываемую по тексту «Истории...». Тем не менее, очевидна и односторонность: реалисты не заметили или не уделили должного внимания таким проблемам как мораль, справедливость, легитимность, сочувствие, нормы, институты и т.д., что составляет важную часть «трансгисторических истин» Фукидида. Зато внимание исследователей обратилось к внутриаполитическим структурам, политическим режимам древней Греции, демократии, национальному характеру, идеологии и т.д., т.е. к контексту, в котором происходили описанные историком события. Некоторые конструктивисты даже усмотрели у Фукидида вполне конструктивистскую методологию.

Остается признать, что многие отечественные авторы также опираются в своих рассуждениях на древнегреческого историка. Например, российский философ Ф.Х. Кессиди, вслед за Игорем Джаданом – популярным автором «Русского журнала», усмотрел связь между Фукидидом и Н.Я. Данилевским, С. Хантингтоном с его идеей «столкновения цивилизаций», и даже принципами социалистического соревнования в Советское время⁴⁷. Кроме того, приписываемые самому Фукидиду высказывания и аргументы очень часто были словами «героев» его хроники, и он отнюдь не часто комментировал ту или иную позицию.

Где пределы использования «классических» текстов для доказательства собственных взглядов и существуют ли они? Как мне

⁴⁷ Кессиди Ф.Х. «Мелосский диалог» или политика в позиции силы // *Философия и общество*. – 2007. – №2. – С. 125–127. [Kessidi Ph.Ch. “Melosky Dialogue”, ili politika s pozitsiyi sily // *Philosophia I obschestvo*, 2007. - № 2. - S.125-127].

кажется, стоит прислушаться к предупреждению американского исследователя Дэвида Уэлша: «Мы должны перестать использовать его (Фукидида – *A.T.*) по собственной воле, заставляя его участвовать в дебатах, в которых он бы мало чего понял и которые еще меньше его бы волновали. Мы должны прекратить делать из него зеркало для наших собственных предположений, убеждений и искажений. Мы должны остановиться в своей конкуренции с его санкцией. И, возможно, самое важное, мы должны перестать пытаться ограничить его хрупкую и утонченную работу, превращая ее в серию упрощенных банальностей»⁴⁸.

Очевидно, что современные международные отношения, требуют переосмысления в том числе и с точки зрения «классического» наследия. Причем это относится не только к сторонникам других парадигм, но и самим реалистам. Так, Л. Джонсон Бэгби подчеркивает: «Фукидид может направить нас в наших исследованиях за пределы реализма – и, в особенности, за границы неореализма»⁴⁹.

Хотя, безусловно, во взаимоотношениях между государствами и поведении лидеров на международной сцене присутствуют некоторые константы, возможности взаимодействия, сотрудничества и даже конфликтов предстают сегодня зачастую в новых, ранее неизвестных формах. В этих случаях обращение к истории – это всего лишь урок, но отнюдь не предписание. Только в подобной оптике рассуждения Фукидида, в самом деле, могут служить мудростью «на все времена», как сам он этого хотел.

Понятно, что сам Фукидид не мог иметь никакого отношения к последующим интерпретациям и искажениям его взглядов. Хотя, по-видимому, он, в самом деле, был интеллектуальным предтечей доминирующих сегодня в международных отношениях пара-

⁴⁸ Welsh, David A. Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides? // *Review of International Studies*. - 2003. - № 29. - P. 302.

⁴⁹ Johnson, Bagby L. The Use and Abuse of Thucydides in International Relations // *International Organization*, Winter 1994, Vol.48, № 1. - P.133.

дигм, мы должны все же постоянно иметь в виду, что сами эти парадигмы в немалой степени являются продуктом специфического прочтения его текстов, своего рода самореферентной герменевтикой, сложившейся

за прошедшие столетия. В конце концов, как бы ни хотелось защитить Фукидида, «классик» потому и «классик», что каждый находит в его трудах нечто близкое своим собственным представлениям.

Перечитывая «классиков»: Фукидид и политический реализм

Татьяна Александровна Алексеева, д.филос.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, Зав. Кафедрой политической теории МГИМО (У) МИД РФ, e-mail: ataleks@mail.ru

***Аннотация:** Тема статьи – широко распространенные обращения к Фукидиду и его знаменитой «Истории Пелопонесской войны» как своего рода «санкции» на научную респектабельность теоретико-международных исследований. Такой подход сформировался во многом благодаря Томасу Гоббсу и «политическому реализму» как одной из наиболее популярных парадигм в теории международных отношений. «Интерпретация интерпретаций» показывает, что Фукидид во многих случаях плохо прочитан и не всегда правильно понят, а его выводы вырываются из контекста, получая излишне расширительное толкование. А это привело к упрощению и даже искажению его идей. На наш взгляд, «классики» заслуживают более бережного отношения, а ссылки на их труды как минимум должны быть взвешенными и осмысленными и не носить автоматического характера.*

***Ключевые слова:** реализм, международные отношения, политическая философия.*

Re-reading the “Classics”: Thucydides and Political Realism

Tatiana Alexandrovna Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, Distinguished Scholar of the Russian Federation, Political Theory Chair of the MGIMO-University, e-mail: ataleks@mail.ru

***Abstract:** The theme of the article – a widely spread appealing to Thucydides and his famous “History of the Peloponnesian War” as some sort of the “sanctions” for scientific respectability of the theoretical studies of international relations. Such an attitude was formed under the influence of Thomas Hobbes and later supported by “political realism” as one of the most popular paradigms in the theory of international relations. The “interpretation of the interpretations” demonstrates, that the texts of Thucydides are often badly read and not always rightly understood, his conclusions are eradicated out of context, and they got too extended interpretation. The result many of his ideas are oversimplified or even misrepresented or distorted. From our point of view, the “classics” deserve a more cautious attitude, and the quoting of their works ought to be more weighted and thought of, at the very least nor to be automatic.*

***Key words:** realism, international relations, political philosophy.*